

Инга Г. Милевич

Даугавпилсский университет

Vienibas, 13, LV-5400 Daugavpils, Latvia

Тел.: (371–54) 2 22 39

E-mail: volda@dau.lv

ЯЗЫК МАСС-МЕДИА: ОТРАЖЕНИЕ СОВРЕМЕННЫХ МИФОВ И ИДЕОЛОГИЙ

*Статья посвящена анализу современных реализаций мифологической оппозиции **свой–чужой** в языке публицистики Латвии с точки зрения лексического наполнения и прагматических установок говорящей личности. Структура данной оппозиции двояка: с одной стороны, это оппозиция **мы–Европа**, с другой – **мы–они**, где члены оппозиции соотносятся с референтными группами **русских–латышей, граждан–неграждан**.*

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: мифологема, мифологическая оппозиция, концепт, прагматическая установка, публицистический дискурс, картина мира.

Слова имеют огромную власть над нашей жизнью, власть магическую. Мы заколдованы словами и в значительной степени живем в их царстве.

Н. А. Бердяев. «Судьбы России»

Публицистика – это современная система порождения мифов (зачастую искусственных), которая объясняет их и вводит в сознание своего читателя. Миф отражает систему различных концептов (социальных, политических, экономических, культурных и др.) в актуальных для общества метафорических парадигмах и современных мифологических оппозициях, восходящих к архетипическим инвариантам (**добро–зло**). Неудивительно поэтому, что для М. Элиаде миф – единственно верная модель действительности.

Общепризнано, что в условиях диаспоры проблема самоидентификации становится особенно актуальной. По признанию Э. Бенвениста, «осознание себя возможно только в противопоставлении»¹. Объектом нашего внимания явилась инвариантная мифологическая оппозиция **свой–чужой** и ее современные реализации в языке публицистики Латвии. «Это противопоставление, в разных видах, пронизывает всю культуру и является

одним из главных концептов всякого коллективного, массового, народного, национального мироощущения»². Оппозиция **свой–чужой** – один из важнейших культурных концептов, во многом формирующий картину мира различных народов, поскольку вместе с другими бинарными противопоставлениями (**верх–низ, правое–левое, далеко–близко**) в конечном счете реализует архетипическую оппозицию – **доброе–злое (благоприятное–неблагоприятное)**. По словам В. А. Масловой, «вопрос о бинарных оппозициях – это вопрос об универсальных свойствах самой действительности и универсальных закономерностях ее отображения в человеческом сознании. А бинарная модель мира – общая для человека психологическая черта»³. Кроме того, это отличительная черта современной культуры парадигмы, которая характеризуется «амбивалентным (бидомиантным) сознанием»⁴.

Известно, что «...наша концептуальная

¹ БЕНВЕНИСТ, Э. *Общая лингвистика*. Москва, 2002, с. 249.

² СТЕПАНОВ, Ю. С. *Константы: словарь русской культуры*. Москва, 2001, с. 126.

³ МАСЛОВА, В. А. *Преданья старины глубокой в зеркале языка*. Минск, 1997, с. 28.

⁴ УВАРОВ, М. С. *Бинарный архетип*. <http://philosophy.ru/library/uvarov/01/01.html>.

система зависит от нашего физического и культурного опыта и непосредственно связана с ними»⁵. Культурный опыт, видимо, организован таким образом, что оппозиция становится важнейшей моделью интерпретации отношений в социальном обществе. Политизация общества и как один из результатов этого – поляризация общества, а также существование разноязычных информационных полей способствуют появлению различных современных реализаций древнейшей оппозиции *свои–чужие*, которая, как показал на анализе индоевропейских языков Э. Бенвенист, всегда трансформируется в оппозицию *друг–враг*⁶.

Особенность публицистического текста состоит в том, что автор выполняет сервильную функцию ('мы предоставим нужную вам информацию'), одновременно отождествляя себя с получателем информации (resp., создает общий *мы*-концепт). Автор-публицист должен стремиться к общности картины мира с получателем текста, он предлагает читателю модели взаимодействия с миром и таким образом побуждает его к социальной активности. Можно сказать, что одной из социально детерминированных задач публициста является создание условий для того, чтобы заручиться доверием своего читателя, для чего автор (осознанно или неосознанно) прибегает к помощи мифа, объясняющего мир. Миф в современном публицистическом дискурсе – это принимаемые без аргументации мировоззренческие стереотипы. Языковая реализация мифа обычно называется мифологемой.

Создание *мы*-концепта всегда сопровождается эксплицитным или имплицитным созданием антагонистического, полярного *они*-концепта. Образ *чужих* ярче всего вырисовывается в политическом дискурсе при

помощи различных мифогенных социальных стереотипов. «Социальные стереотипы чаще всего используются, чтобы делать быстрые суждения о людях. К ним прибегают также в рекламе и в большей части форм массовой литературы, в особенности в газетных статьях», напр., *типичный политический деятель, типичная мать-домохозяйка*⁷. Национальные стереотипы также занимают важную роль в формировании как образа *чужого*, так и в формировании картины мира читателя в целом. «Известно, какую большую коннотативную нагрузку могут нести названия национальностей»⁸. Так, названия национальностей (*русский, латыш*), по наблюдениям над их функционированием в современном публицистическом дискурсе, принимают активное участие в образовании «этнообразующего мифа»⁹, и именно оппозиция *русский–латыш* становится одним из главных способов реализации противопоставления *свои–чужие* в современном публицистическом дискурсе.

Лексическое воплощение мифологической оппозиции *свои–чужие* может быть различным: *русские–латыши* (обычно для создания *мы*-концепта), *нелатыш–латыш* (чаще для репрезентации *они*-концепта), *граждане–неграждане, политики–народ, депутаты–население, чиновники–налогоплательщики* и др. Приведем один характерный пример, в котором обыграны различные инварианты оппозиции *свои–чужие* с позиции «чужих» (прием *я-в-зеркале-чужого* – один из наиболее прагматических сильных публицистических инструментов поддержания необходимого мифа): *Сколь ни смешно, но одним из главных аргументов сохранения его (Музея оккупации. – И. М.) в центре Риги было «напоминание оккупантам». Увы, смею утверждать, что класси-*

⁵ ЛАКОФФ, Дж. Мышление в зеркале классификаторов. In *Новое в зарубежной лингвистике*. Москва, 1988, вып. XXII, с. 48.

⁶ БЕНВЕНИСТ, Э. *Словарь индоевропейских социальных терминов*. Москва, 1995, с. 236.

⁷ ЛАКОФФ, сноска 5, с. 34.

⁸ АПРЕСЯН, Ю. Д. *Избранные труды*. Москва, 1995, т. II, с. 170.

⁹ ГУРЕВИЧ, П. С. *Современный гуманитарный словарь-справочник*. Москва, 1999, с. 257.

ческому «колониальному манкурту из спального района» абсолютно наплевать на то, что стоит в центре Риги и как выглядит Ратушная площадь. Более того, недруг Латвии только рад будет испоганенному центру ее столицы. ...Рационально думающие представители латышской интеллигенции города не посмели возразить злобствующим «деокупантам», испугавшись, что их самих зачислят в «пособники врагов Латвии». (Час. 27.10.2001.)

Оппозиция *свои-чужие*, выраженная на лексическом уровне антонимами *свои-чужой*, *мы-они*, используется в случае абсолютного, категорического эксплицитного противопоставления. Напр., *Во главе Латвии в те времена стояли люди, не делившие население Латвии на своих и чужих*. (МК-Балтия. 13–20.02.2002); *Главный гардённыш хочет выслать нас за полгода ...что ОНИ собираются с НАМИ сделать...* (Час. 09.02.2002).

Намного чаще происходит формирование *мы*-концепта или *они*-концепта при помощи разнообразных и разнородных лексических средств. Рассмотрим эти средства, опираясь на печатные издания на русском и латышском языках (1998–2000), послужившие материалом для исследования.

В современной русскоязычной прессе Латвии наблюдается двоякое структурирование оппозиции *мы-они* (*Европа*), с одной стороны, и *свои* (*русские, неграждане*) – *чужие* (*латыши, граждане*) – с другой.

Обратимся к особенностям первого вида оппозиции. В последнее время заметно (и закономерно) активизировалось употребление как лексемы *Европа*, так и различных дериватов с формантом *евро-* в обоих контактирующих в Латвии языках. Напр.: *Eiropā optimisti, eiropā praktiķi, eiropā krāti, eiropā skeptiķi, eiropā jājējs, eiropā parlaments, eiropā birokrāti, eiropā pārdomas, eiropā kino, eiropā festivāls, eiropā informēšana, eiropā mednis, eiropā māla, eiropā pūdiņš; евростандарты, евробюрократ,*

евроскептики, еврочиновники, еврооблигации, еврообмен, еврореформа, еврокритики, евроутописты, еврооптимисты, еврофальсификация, евроскептицизм, еврофутбол, евро-тренировка. Примеры свидетельствуют о том, что процесс проникновения данной словообразовательной модели затрагивает как политический и экономический дискурс, так и разговорный (также *евроремонт, евродизайн*). Кроме того, подобные образования встречаются и в современном научном (лингвистическом) дискурсе, напр., в статье Иевы Зауберги (Latviešu valoda Eiropas Savienības standartizācijas prasību kontekstā. In *Linguistica Lettica*, 2001, № 8) используются образования *eiroteksts, «eirozargons»*.

По сравнению с 1992–1995 гг. (1993 г. – образование ЕС), заметно увеличилась не только частотность слова *Европа* в русском корпусе текстов, но и активизировались его деривационные потенции, сочетаемость и аксиологическое «оформление». Так, в словаре Г. Н. Скляревской¹⁰ зафиксированы только такие дериваты, как *евровалюта* и *европарламент*, сочетаемость лексемы *европейский* преимущественно стилистически нейтральна, сама лексема обладает позитивной коннотацией: *европейский дизайн, европейское качество, европейское общество*¹¹. В последнее время появляются контексты, принадлежащие различным публицистическим дискурсам, с негативным фоном восприятия *европейского*. Напр.: *Интересно, сколько евро стоит еврознание?* (Телеграф. 14.01.2002.); *Латвия в ожидании «европаезда»* (Вести. 01.08.2002.); *...Вайра Вике-Фрейберга уже считает денежки, которые нам надо будет «отстегивать» в еврообщак. (7 секретов. 23.05.2002)*. Данные примеры отражают ту напряженность в латвийском обществе, которая связана с широко дискутируемой проблемой о вступлении Латвии в ЕС.

Кроме того, следует учитывать и тот

¹⁰ Толковый словарь русского языка конца XX века: Языковые изменения. Санкт-Петербург, 1998.

¹¹ Толковый словарь, сноска 10, с. 224–225.

факт, что концепт *Европа* стоит в ряду таких традиционных для общего когнитивного прошлого концептов, как *Запад*, *Америка*. Причем, как представляется, *Европа* в последнее время начинает обретать негативные коннотации, о чем свидетельствует, например, следующий текст: ...*Прошла ровно половина президентского срока Путина. Навивный вопрос «Who is mr. Putin?» давно уже никто не задает. Но ответа все равно нет: в целом действия и бездействие Путина не позволяют приклеить к нему бирку – «либерал», «государственник», «демократ», «душитель демократии». Собственно, к картинному «царю Борису» тоже не очень то прочно приставали европейские политэтикеты.* (Телеграф. 27.03.2002.)

Апелляция к концепту *специалист* ('специалист' – инвариантный смысл различных выражений) в современной публицистике используется как мощный инструмент воздействия на читателя. Этот смысл соотносится на уровне действительности с безусловно авторитетным явлением, с другой – он коннотирует представление о *чуждости*. Одна из частных реализаций – *европейский специалист*, который, с одной стороны, является безусловным авторитетом, с другой – воплощением концепта *чуждой*. Напр.: *Eiropas Savienības eksperts Jans Maura (Somija), kas arī piedalījās projekta noslēguma konferencē, atgādināja: «Tūrisma jāatmet pessimisms un jāatceras: katrs ir eksperts».* (Ceļotprieks. 05–06.1999.) – *Эксперт Европейского союза Ян Маура (Финляндия), который также принимал участие в заключительной конференции проекта, напомнил: «В туризме надо отбросить пессимизм и помнить: каждый может быть экспертом».*

Кроме того, референт, обозначаемый ранее позитивно позиционируемыми сочетаниями *европейское качество, европейский специалист, европейский эксперт*, уже не являются воплощением идеальной референтной группы. Так, все чаще появляются контексты, в которых мнение представителей референтной группы, обозначаемой

именем *Европа*, уже не является столь уж бесспорным: *Европейские специалисты считают, что безопасный уровень колеблется в пределах 20–60 г в сутки в пересчете на чистый 100-процентный этанол для мужчин (50–150 г водки) и 10–40 г для женщин (25–100 г водки)...* Большинство наших специалистов склонны считать, что любое регулярное употребление алкоголя уже является опасным. (Weekend. 27.08.–03.09.2002.)

В латышских изданиях понятие *европейский стандарт* еще коннотирует позитивную оценку. Напр.: *Kļuvusi par modernai Eiropai piederīgu pilsētu, Rīgas vecpilsēta vai ikdienas tiek atvērti jauni veikali, ielu kafējnīcas un specializēti restorāni.* (Ceļotprieks. 09.2000.) – *В Старой Риге, с тех пор, как Рига стала городом, соответствующим современной Европе, почти каждый день открываются новые магазины, уличные кафе и специализированные рестораны; Тукumā – jauna vietīņa Eiropas līmenī.* (Ceļotprieks. 04.1999.) – *В Тукумсе – новое местечко европейского уровня.*

В латышской и русской прессе концепт *Европа (чуждой!)* по-разному структурирует пространство европейского континента. В латышских контекстах все чаще появляются контексты «приближения». Напр.: *Gan Vācija, dan Šveice, gan Francija atrodas Eiropā. Droši vien tajā pašā Eiropā, kurā, daudzuprāt, Latvijai ir jāiekļaujas, jāieiet, jāintegrējas, jāatgriežas vai kaut kā citādi par jebkuru cenu jāiekļūst.* Geogrāfiski, ja nemaldos, *Latvija jau ir Eiropā.* (Vide un Laiks. 03.1999.) – *И Германия, и Швейцария, и Франция находятся в Европе. Наверное, в той Европе, в которую, по мнению многих, Латвию нужно попасть, войти, интегрироваться, вернуться или еще как-то любой ценой попасть.* Географически, если не ошибаюсь, *Латвия уже в Европе.* В русских же газетах все более ощутимо «отчуждение». Ср.: *Ну а нам, если честно, от их еврообмена ни холодно, ни жарко. ...Евро-реформа никого особенно не напрягает...*

Евробум в Европе тем временем в самом разгаре. (Вести. 20.12.2001.); Оплеуха евроутопистам: громом среди ясного неба для очень многих прозвучали результаты референдума в Ирландии. Ирландские избиратели большинством голосов отвергли Ниццкий договор, предусматривающий расширение ЕС. ...Подобный поворот сталopleухой для чрезмерных еврооптимистов и правительства Латвии, рассматривавшего вступление в ЕС как скорое решение всех латвийских проблем. (Бизнес & Балтия. 15.06.2001.)

Мы-концепт как член рассматриваемой оппозиции интересен своей структурной амбивалентностью. С одной стороны – его «корпоративная» нерасчлененность: «мы, латыши и русские представители, жители Латвийской республики»: *Мы успешно финишировали по 22 областям переговоров с Евросоюзом. (Вести. 20.12.2001.)* С другой стороны, внутренняя (как семантическая, так и аксиологическая) расчлененность, выражаемая номинацией **гражданин–негражданин**: *...юности свойственны азарт и творчество, что сказывается на методах отъема собственности у граждан–неграждан. (Суббота. 26.03.1999.)*

Обратимся ко второму виду реализации оппозиции **свой–чужой**. Отношения между членами оппозиции, антагонистическими по своей мифологической сущности, характеризуются как исходно непримиримые, не сходящиеся, как пассивное **свое** и активное **чужое** начала, что поддерживается различными языковыми средствами – сравнениями, обновленными антитезами, причем в обоих языках мы наблюдаем общую особенность – асимметричность оппозиции, выражающуюся в отсутствии собственно антонимов (ср. напр., симметричные **правый–левый, наши–ненаши**). Напр., *Es pedofils? Tu – cekists! (Jauna avize, 1999., 21. okt.); КОММУНИСТ против СВЯЩЕННИКА. (Вести. 04.04.2002.)*

Одновременно с принципиальным несовмещением может обозначаться нерацио-

нальность, нелогичность действий или помыслов чужого. Напр.: *Важные решения в Латвии часто принимаются не из рациональных соображений или исходя из интересов общества, а просто... назло кому-то. Чаще всего этот «кто-то» оказывается меньшинством – национальным, лингвистическим, парламентским... (Час. 27.10.2001.)* Нерациональность чужого зачастую выражается при помощи темы «кружения мотивов»: чужому приписываются повторяющиеся претензии **чужого к своим**, к числу которых относится прежде всего обвинение **в советской оккупации**: *Национализм национализму рознь. Кучинскиса можно назвать антиподом Гарды, который, как заехшая 10–15 лет назад пластинка, продолжает крутить старую песню par krievu okupantiem. (Суббота. 30.08.–05.09.2002.)*

Следствием нерациональности чужого (с точки зрения **своего**) обычно становится его необоснованная агрессия – то качество, которое является постоянным предметом едких замечаний или сарказма. Напр.: *...языковым радикалам, похоже, не нужно, чтобы все владели латышским. Им нужно ужесточение языковых правил и законов, они хотят все решать административно-репрессивными методами. (Вести. 11.01.2002.)*

Оппозиция **русские–латыши** все чаще замещается в публицистическом дискурсе оппозицией кореферентных имен: контексты современного публицистического дискурса демонстрируют все более учащающееся замещение номинации национальностей социально-политическими: **русский** – контекстуально заменяется на **негражданин, оккупант** и под. Приведем характерный пример, в котором **мы**-концепт представлен в зеркале их практически во всевозможных реализациях: *Сами мигранты-оккупанты-колонисты-короча-русские уповали прямо на противоположное. Вот, мол, человек западного воспитания и демократической культуры, она-то и приструнит национал-фундаменталистов. (Час. 10.06.2000)*

«Мифологическое сознание способно выражать идею национальной обособленности или идею национального насилия»¹². В современной публицистике Латвии обособленность *мы*-группы поддерживается ассоциативным рядом, выражающим представление о бесправии, унижительном положении. Нагляднее всего это можно продемонстрировать на примере использования номинации *негр* (сокращенная номинация *негражданин*, контаминированная с разг. *негр* – ‘бесправный’). Напр.: «*Негры*» проиграли гражданам. (Панорама Латвии. 04.12.1999.); ...является ли *негр* человеком – и вроде ответ должен быть однозначным, однако утвердительно на него ответила ... одна партия. (Час. 14.07.1998.)

И, с другой стороны, образ *чужих* создается при помощи номинаций, поддержанных ассоциативным рядом активной агрессии. Это прежде всего номинация *националист*, различные дериваты с *нац*- и атрибутивные сочетания с *национальный / национально* (*нацдепутаты, нацрадикалы, национально озабоченные, национальные инквизиторы* и др.). По словам П. С. Гуревича, национализм – это произвольная комбинация эмоций и прагматизма, особенности которого – изоляция, замкнутость, непроницаемость, самодовольство, партикуляризм, подавление личности социальным или национальным коллективизмом, т. о., это эмоциональный феномен, чуждый идеи равенства¹³. «Национализм – идеология культурного верховенства той или иной нации ... взращивается не столько реальной историей, сколько этнообразующим мифом»¹⁴. Приведем примеры, в которых реализуются представления *своих* о национализме *чужих*: *Толпа зрителей на Домской площади поначалу опешила и насторожилась, когда на праздновании Дней Ганзы в самом сердце Старого города раздался мощный бас неизвестного никому исполнителя, затянувшего*

русскую народную песню. Голову даю на отсечение – ни один из рижских русских певцов с такой свободой и с такой удалей не смог бы стеть на этом нерусском месте. Увы, сие у нас уже в крови, тут славные латышские националисты своего добились. (Ева. 03.2002.); *Вчера в суде Земгалского предместья Риги начался процесс над лидером «Перконкрустса» Юрисом Речсом. Поддержать бывшего гауляйтера пришли только две национально-озабоченные женщины средних лет.* (Час. 6.12.2000); *Масса мотоциклов под флагом с черепом и костями пронеслась по рижским улицам. Кто они, нацбайкеры? ...По республике рассекают сотни тотально нарушающих ПДД татуированных ребят, некоторые из них со значками НСДАП, а полиция делает вид, что байкеры – так, молодежная забава. И, конечно же, никакого национализма!* (Вести. 02.05.2002.)

Для сравнения: в латышской публицистике для номинации активного *чужого* (русского) используется формула *технологии провокаций*. Ср. различные заполнения одного и того же мифостереотипа (активность *чужих*) в русской и латышской прессе. В русской публицистике: *Обозленные нацдепутаты защитили, где только смогли, госязык, настрочив новые Положения об объеме знаний госязыка и порядке проверки владения языком, которые обязательно одобрит наш национально мыслящий Кабинет министров. На сей раз националы добрались до спортивных тренеров, инструкторов и судей.* (Weekend. 18.–25.04.2002.). В латышской публицистике: *Provokāciju tehnoloģi lien vai no ādas ārā, lai kaut kas notiktu. Lai būtu par ko trokšņot, «aizstāvēt demokrātiju» un staļiņistiem cīnīties «pret fašismu».* (Lauku Avīze. 16.03.2002.) – *Технологии провокаций из кожи вон лезут, чтобы хоть что-то произошло. Чтобы можно было пошуметь, «защитить демо-*

¹² ГУРЕВИЧ, сноска 9, с. 257.

¹³ ГУРЕВИЧ, сноска 9, с. 257–261.

¹⁴ ГУРЕВИЧ, сноска 9, с. 257.

кратию» и сталинистам бороться «против фашизма».

Важной составляющей образа чужого является нарушение Порядка¹⁵. Так, помимо действий и поступков *чужого*, нарушающих естественное (геср., правильное) для *своих* течение жизни, активно характеризуется и его не-порядочное вербальное поведение, прежде всего его брань, ругань, а также вносящая не-порядок в миропонимание *своих* неясность, казуистичность выражений *чужого*. Напр.: *Что же касается ругательств, то они явно прогрессируют. Модные ранее обзывалки типа «лжец», «провокатор», «жулик», «дурак» сегодня больше не модны. Потому что интеллектуальный уровень депутатов повысился. Известный сеймовский ругатель Вилис Криштопанс обзывал главного приватизатора Яниса Нагласа «базарной бабой», «народника» Шкеле – «улброкским бэтменом, зомби и дикарем», экс-преьера – «тэбэзника» Гундарса Крастса – «вшивым соколом», а своих бывших партайгеноссе – «паразитами». (Weekend. 28.03.–04.04.2002.) Речь «чужого» неясна, казуистична, поэтому ее необходимо толковать: *Меньшинства же могут сохранять традиции, учитывая принцип взаимного равноправия этих народов». То есть русский не равен латышу, но зато равен литовцу и цыгану. Гражданин он? Неважно! Пусть сначала докажет, сколько лет назад он синий паспорт получил...* (Вести. 13.06.2002.); *В 62-й статье Правил Кабинета министров «О процессе административных актов» указано, что «взвешивая целесообразность создания административного акта ... учреждение принимает решение о соразмерности правового акта с возможным ущемлением интересов общества. Существенное ограничение правовых интересов индивидуума оправдано только значительными приобретениями**

государства и общества». Переводя этот «канцелярит» на человеческий язык, можно сказать так: если бы штраф за грамматические ошибки Виктора Елкина способствовал бы падению преступности в районе, он, этот штраф, был бы «соразмерен». (Час. 31.07.2000.)

Э. Бенвенист показал, что «каждый язык заимствует название раба (*чужого*). – И. М.) у другого»¹⁶. В современной прессе эта закономерность проявляется в прагматически насыщенной маркировке *своих-в-зеркале-чужих* через вкрапления в русскую речь латышских обозначений типа *кривес* (лат. *русский*). Напр.: *Благонамеренные латышчи чиновники искренне считают, что просто надо соответствующему департаменту чутько поднапрячься да самим кривесам на валоду подналечь – и в местном плавильном котле русский сольется с латышом, как горошек со шпеком. ...Русские книги – не ввозить, кабельное ТВ – обесточить, кривеу дзиезмус с FM-радио – вон...* (Час. 08.04.1998)

Важную роль в формировании образа чужого и «созерцании себя в зеркале (я-для-другого, с точки зрения другого)»¹⁷ играет дайджест – коммуникативная территория чужого. Жанровые и композиционные особенности дайджеста предполагают как выбор темы, так и различного типа компиляции, сокращения, комментирование или реферирование «чужого слова», что обычно отражается в формулировках типа *Все статьи сокращены и не обязательно совпадают с мнением «МК-Балтии»; Материалы публикуются в сокращении. Перевод Телеграфа; О чем писали латышские газеты (Суббота); По страницам латышской печати. (7 секретов)*

В дайджесты чаще всего попадают статьи латышской прессы, характеризующие *чужих-латышей*, их картину мира и их место в ней. Напр.: *На минувшей неделе в центре*

¹⁵ Именно миф Порядка некоторые исследователи считают основой современной мифологии, см., напр.: МАРКОВ, Б. В. *Философская антропология*. Санкт-Петербург, 1997.

¹⁶ БЕНВЕНИСТ, сноска 1, с. 236.

¹⁷ БАХТИН, М. М. *Литературно-критические статьи*. Москва, 1986, с. 516.

внимания латышской прессы оказались сами латыши. Словно сговорившись, газеты слово «латыш» печатали чаще прочих. Только каждое издание имело в виду свои аспекты. (Суббота. 24-30.05.2002.); В «Неаткарига Рита Авизе» опубликована статья читателя газеты Иманта Зембергса под бесхитростным заголовком «За кого голосовать?». Текст любопытен как своеобразный vox populi – голос латышского народа. (Панорама Латвии. 06.08.2002.); Neatkarīgā: угроза латышскому – в «сиротском сознании» самих латышей. Партии делают «на языке» политические дивиденды – культивируя в результате в народе комплекс меньшинственной неполноценности – «сиротское сознание», как пишет NRA. (Час. 03.06.2002.)

Из «чужого» материала привлекаются и различные варианты темы «растрата больших денег» как разновидности мифостереотипа «деньги налогоплательщиков» (геср., наши деньги), который срабатывают как мощный прагматический сигнал тревоги. Напр.: Миллион долларов на ловлю жуков. Как всегда, озбоченная проблемами патриотизма и оборонспособности «Diēna» публикует репортаж о том, как старшекласники из Наукиенской школы Валмиерского района осваивают навыки выживания в лесу. (7 секретов. 23.05.2002.) Этот сигнал тревоги усиливается в случае совмещения мифостереотипов чужие и деньги налогоплательщиков. Напр.: А вот газета Neatkarīgā Rīta Avīze привела размеры компенсации на всех 100 народных избранников. В числе самых компенсируемых депутатов (их 13 человек) – чеченофил Юрис Галерийс Видиньш. (Суббота. 1-7.03.2002.)

Наконец, дайджест позволяет увидеть себя в зеркале чужого, т. е. себя в непривычной роли активного чужого, что часто приводит к негативной оценке носителя первичной (латышской) информации. В этом типе текстов дайджеста наиболее активно используется оценочная лексика и вводные конструкции со значением разной степени

недоверия. Напр.: Оказывается, латышей выжидают из Латвии, а Добелис в Африке гладил крокодила; Если почитать «Latvietis Latvijā», можно узнать, что оккупация продолжается. (Панорама Латвии. 15.01.2002.); ...Русскоязычные беспредельщики распоясались до того, что в некоторых трамваях остановки объявляли по-русски. ...В общем, оплот национальной цивилизации в русскоязычном городе (Даугавпилсе. – И. М.) призвал принять меры и немедленно назначить добровольных инспекторов госязыка, придав им «соответствующие полномочия» (Lauku Avīze). (Weekend. 28.02.–07.03.2002.)

Чужой может иметь конкретное воплощение, персонафицироваться в образе единичного чужого: Напр.: ...г-н Гарда выступил с предложением ввести поправки к уголовному кодексу, которые предусматривали бы суровое наказание для русских за отказ от «деколонизации»... (Суббота. 16-22.11.2001); Комментатора газеты Diēna Асколдса РОДИНСА возбудил соцопрос о роли латышского языка среди жителей Латвии иной этнической принадлежности. «Исследование показывает, как глубоко ложны пропагандистские утверждения блока Юрканса–Рубикса и многих русскоязычных средств массовой информации, что в Латвии существуют две стабилизировавшиеся общины, которые живут параллельной жизнью, чьи представители читают только «свои» газеты, почти массово работают на «своих» предприятиях, с разницей в час встречают Новый год». (Вести. 02.05.2002.)

Именно такие личностные проявления чужого сопровождаются эксплицитной оценкой (или косвенной полемикой), выносимой своим чужаку на собственной (преимущественно!) коммуникативной территории. Напр.: ...«Jauna Avīze» публикует интервью бизнесмена и «внештатного советника» президента Вике-Фрейберги Сола Букинголтса. Светский лев и слегка таинственного происхождения американско-еврейско-

латышский человек считает, что «у наших детей не будет таких комплексов, как у нас, живших в СССР» (*верно – у них будут свои*). «...Я хочу, чтобы русские люди слышали Вайру Вике-Фрейбергу, чтобы понимали, что президент говорит». *Либо святая простота, либо – хитрая подколка. Ибо, если уж русские все и стопроцентно ПОЙМУТ, что говорит ВВФ, то на пользу авторитета нашего очаровательного президента это явно не пойдет. Но Сол знает, что делает, – ведь он учился в иезуитском университете... (7 секретов. 23.05.2002)*

Но чаще всего оценка, отношение автора (и, следовательно, формирование оценки читателя) выражается по-другому – при помощи определенного круга языковых средств, принадлежащих общей коммуникативной территории когнитивного прошлого: советизмов и, в частности, прецедентных текстов (ПТ), источниками которых являются известные советские директивы, цитаты, лозунги и др. Приведем примеры использования советизмов в политическом дискурсе, создающих негативный фон восприятия поведения *чужих*: *Речи премьер-министра Андриша Берзиньша и главы фракции Кристианы Либане ... и по тональности, и по содержанию были пронизаны уверенностью в светлом будущем партии и правительства. (Час. 11.12.2000.); Есть все основания полагать, что г-н Улманис слагает с себя полномочия с чувством глубокого удовлетворения. (Час. 02.07.1999)* И другой ряд примеров, которые объединяет общая прагматическая установка использования ПТ – сарказм, недоверие и т. п. Напр.: *Дело нацболов живет. И иногда побеждает. (Телеграф. 27.03.2002.); Как*

заказ получишь, выполняй его. Он ведь с нашим бизнесом цвета одного: за «укрепление статуса госязыка» в Латвии борются могучий Минюст, Центр госязыка имени покинувшей его г-жи Хириш и Комиссия при президенте страны имени поэтессы Мары Залите. В Литве за госязык отвечает лично председатель Сейма, а в Эстонии – госинспекция, подчиняющаяся министерству науки и образования. То есть наши «борцовские формирования» – самые могучие. (Weekend. 23.05.–30.05.2002.); Наши паровоз вперед летит, или Приватизация продолжается. (Час. 05.11.1998.); С чего начинается родина?: У девяти процентов неграждан и двух процентов граждан родины, по их собственному признанию, вовсе нет. (Час. 11.06.1998.); Настало время определить ему меру пресечения, и суд полностью оправдал сказанную в известном фильме фразу о том, что «наш суд – самый гуманный суд в мире». Фемида «вошла в положение» подозреваемого и решила выпустить его на свободу. В результате – два трупа... (Вечерняя Рига. 12.02.2002.).

Таким образом, оппозиция *свой–чужой* в современной прессе Латвии имеет наиболее активную реализацию в виде более частых оппозиций *мы–Европа* и *русский–латыш (гражданин–негражданин)*. Преимущественно реализуются различные мифостереотипы *чужого* – активность (агрессивность) вербального и невербального поведения чужого. Кроме того, характерной чертой современной публицистической оппозиции *свой–чужой* становится ее асимметричность, что проявляется в широчайших возможностях языкового воплощения.

Inga G. Milevich
Daugavpils University

LANGUAGE OF MASS MEDIA:
REFLECTION OF NOWADAYS MYTHS
AND IDEOLOGIES

Summary

The article attempts an analysis of the present status of a mythological opposition *our–aliens* and its realization in contemporary Latvian newspaper language. The structure of this opposition is dual: on the one hand, there is an opposition *we–Europe*, on the other hand, opposition *we–they* appears. The last opposition in modern discourses first of all is realized by its invariants *Russian–Latvian, citizen–non-citizen*. The analysis of mythological oppositions is carried out in order to determine their pragmatic tasks and directions.

KEY WORDS: myth, mythological opposition, concept, pragmatic task, newspaper discourses, world picture.

Inga G. Milevič
Daugpilio universitetas

ŽINIASKLAIDOS KALBA:
ŠIUOLAIKINIŲ MITŲ IR IDEOLOGIJŲ
ATSPINDYS

Santrauka

Straipsnyje analizuojama, kaip Latvijos publicistikos kalboje realizuojasi mitologinė opozicija *savas – svetimas*, pirmiausia leksinio turinio ir pragmatinių kalbančiojo nuostatų požiūriu. Minėtos opozicijos struktūra yra dvilypė: viena vertus, tai opozicija *mes – Europa*, kita vertus, *mes – jie*. Šių opozicijų nariai siejasi su referentinėmis grupėmis *rusai – latviai, piliečiai – ne piliečiai*.

REIKŠMINIAI ŽODŽIAI: mitologema, mitologinė opozicija, konceptas, pragmatinė nuostata, publicistinis diskursas, pasaulio vaizdas.

Gauta 2003-06-15
Spaudai įteikta 2003-09-17